
НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ**SCIENTIFIC REVIEWS AND REPORTS**

УДК 316.4.063.3

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-4-416-432

**СОЦИАЛЬНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ
ОСМЫСЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ***Аносов С.С.*

***Цель.** Целью статьи является рассмотрение отдельных, наиболее влиятельных направлений теоретических исследований феномена социальной солидарности в современном обществознании.*

***Метод или методология проведения работы.** Используются методы сравнительного анализа, обобщения и типологизации.*

***Результаты.** В референции к работам классиков социальной науки, особенно – идеям О. Конта, рассмотрен ряд направлений теоретического исследования солидарности, включающих, прежде всего, наиболее влиятельные и проявленные в научной литературе темы, такие, как сущностные, фундирующие основания собственно феномена солидарности, изучение солидарности в контексте моральных аспектов и анализ процессуальных характеристик консолидации, как результата процесса социального взаимодействия и социальной коммуникации. Современные теоретические исследования феномена социальной солидарности характеризуются исключением тематики разделения труда и насилия, актуализацией роли сознательного формирования консолидации, и сохранением значения коллективных ценностей в виде моральных аспектов солидарности.*

***Область применения результатов.** Полученные результаты могут быть применены при обосновании как теоретических, так и прикладных исследований феномена социальной солидарности,*

послужить в качестве учебно-методических материалов по обществоведческим курсам в образовательной практике.

Ключевые слова: социальная солидарность; социальная теория; основания консолидации; моральные аспекты; процессуальный подход.

SOCIAL SOLIDARITY: A THEORETICAL RETHINKING IN CONTEMPORARY SOCIAL SCIENCE

Anosov S.S.

Purpose. *The purpose of the article is to examine the certain, most influential areas of theoretical research of the phenomenon of social solidarity in modern social science.*

Methodology. *Methods of comparative analysis, generalization and typologization are used.*

Results. *In reference to the works of the classics in social science, especially the ideas of O. Comte, several areas of the theoretical study of solidarity are examined. Those include, first of all, the most influential and manifested topics in the academic literature, such as the foundations of the solidarity itself, solidarity in the context of the moral aspects and analysis of the procedural characteristics of consolidation as a result of the process of social interaction and social communication. Modern theoretical studies of social solidarity are characterized by the exclusion of the division of labor and violence, the actualization of the role of conscious formation of consolidation, and the lasting significance of collective values in the form of moral aspects of solidarity.*

Practical implications. *The obtained results can be used to elaborate both the theoretical and applied research of the phenomenon of social solidarity, serve as teaching materials on general courses in educational practice in social sciences.*

Keywords: *social solidarity; social theory; grounds for consolidation; moral aspects; procedural approach.*

Тема социальной солидарности, механизмов и процессов, создающих социальное целое и поддерживающих его существование, является одной из традиционных для обществоведения. В классический период становления науки об обществе тон в изучении данной темы задал Огюст Конт, впервые поднявший вопросы об источниках социальной солидарности и их императивах. Особое внимание данной проблеме Конт уделил во втором томе своего фундаментального труда «Система позитивной политики», названном им «Социальная статика, или абстрактная теория человеческого порядка», до сих пор не переведенном, к сожалению, на русский язык.

Согласно Конту, всего существует три простейших средства солидарности, или единства с современниками – подчинение, союз и защита, так же, как три степени преемственности поколений, через наше единение с прошлым, настоящим и будущим. «Каждый из данных способов соответствует одному из трех наших альтруистических инстинктов – почитанию, привязанности, благожелательности. Полная защита может быть обеспечена только через постоянное сочетание этих трех ангелов-хранителей; там, где их не хватает в силу каких-то естественных причин, этот недостаток должен быть восполнен нашими сознательными усилиями» (здесь и далее наш перевод – С.А.) [8, с. 57].

Важность преемственности поколений для поддержания интегрированного состояния общества постоянно подчеркивается основателем позитивной науки, утверждавшим в пику социалистическим идеям его времени: «Предполагаемый антагонизм между индивидуальной свободой и социальным объединением происходит из незрелой попытки найти некое альтруистическое Единство, опирающееся только на одно ментальное и моральное основание. Эти социалистические фантазеры думают исключительно о солидарности ныне живущих, забывая о важности преемственности поколений» [8, с. 65].

Естественно, что в воспитании чувства социальности и преемственности поколений важнейшую роль играет семья. Впрочем, согласно Конту, именно семья является обеспечивающим ресурсом и

для реализации другого фактора солидарности – разделения труда. Конт обосновывает это следующим образом: «Всякая семья, покуда ограничена трудом, непосредственно удовлетворяющим только небольшую часть её собственных нужд, вынуждена будет однажды осознать важность для себя и других семей, равно как и собственную полезность для последних. Когда Чувства и Разум приходят в гармонию, благодаря этому осознанию, человеческое существование в какой-то момент развивает подлинный принцип своей природы – “Жить для других”» [8, с. 243]. Отметим, что здесь Контом вновь подчеркивается необходимость сознательных усилий при формировании солидарного сообщества, поскольку, на его взгляд, роль, которую играет распределение функций, может оказаться неуспешной, если не будет дополнена комбинацией усилий, спонтанной или целенаправленной.

Другой базовый институт, обеспечивающий единство общества, это – государство. По словам Конта, «стремление к кооперации, которое не может быть отделено от стремления к независимости, также должно находить регулярное удовлетворение, и находит оно таковое в этом первичном социальном институте, созданном для обеспечения совместного действия. ...Это – часть той сплывающей общество силы, что повсеместно зовется *правительством*, делом которого является одновременно – соединять и направлять» [8, с. 243].

Таким образом, в формировании солидарного общества, согласно французскому мыслителю, принимают участие несколько факторов, включая воспитание «чувства социальности», преемственность поколений и разделение труда. Основными «проводниками» этого процесса являются семья и государственная власть. Важно подчеркнуть, что, по мысли Конта, солидарность общества – это то его состояние, которое должно поддерживаться вполне осознанными усилиями его членов, и которое нельзя предоставлять исключительно естественному течению событий.

Характерно, что последующие представители классической социальной науки, по сути, развивали линию, заданную Контом.

Эмиль Дюркгейм рассматривал увеличивающееся «распределение функций» в рамках трудовой деятельности как результат трансформации общественных связей и базовых оснований социальной интеграции. Как известно, Дюркгейм анализировал этот процесс в категориях смены механической солидарности солидарностью органической, где первая обнаруживается в архаичном обществе, а вторая – в современном, со всеми их специфическими и известными характеристиками – от гомогенности к гетерогенности, от монофункциональности к высокому уровню специализации. Причем, сознательные, и даже репрессивные усилия по поддержанию социальной целостности также рассматривались Дюркгеймом в качестве неотъемлемого условия данного состояния [2, с. 101].

К. Маркс и Ф. Энгельс, фиксируя в «Немецкой идеологии» важность феномена разделения труда, доказывают одновременно, что этот процесс, по сути, ведет к дальнейшему порабощению человека, поскольку «стихийно сложившееся общество» сохраняет разрыв между частным и общим интересом, в условиях которого даже имеющаяся солидарность выступает не более, чем результатом сознательного усилия власти по приданию собственным идеям и ценностям «статуса всеобщности», что должно гарантировать её господствующее положение [5, с. 40]. Тем самым, мы можем отметить и в марксистском подходе наличие фактора целенаправленных усилий при формировании консолидированного общества.

Легитимация политического порядка и экономическая активность лежат в основе всякой социальной консолидации, согласно Максу Веберу. В случае типов легитимного порядка (аффективного, ценностно-рационального, религиозного, целе-рационального) солидарность выступает результатом соответствующих содержательных для этих порядков характеристик – эмоциональных, основанных на ценностях, обусловленных религиозными догмами, определяемых общим интересом. В случае экономической деятельности, общность обычно формируется в качестве своего рода оборонительного единства перед лицом возможных и реальных конкурентов, когда «совместно действующие индивиды, продол-

жая конкурировать между собой, объединены по отношению ко всем остальным в общность по интересам, и у них естественным образом возникает желание создать на этой основе какое-то обобществление, регулируемое рациональным порядком» [1, с. 22]. Конкурентная борьба является выражением общего процесса постоянного сталкивания интересов и стремления доминирования, с одной стороны, и согласия, которого, по необходимости, должны достигать внутри себя противоборствующие группы, с другой. Тем самым, тема насилия при создании интегрированного сообщества звучит и у Вебера.

Общественное знание наших дней не разделено значительным временным лагом со своим «классическим» периодом (в отличие от, скажем, философии), в силу чего проблемы общественных отношений и общественного развития, которыми были озадачены классики, во многом свойственны и современному миру. Оставляя в стороне множество исследований практических аспектов социальной консолидации, связанных с полиэтничностью, многоукладностью и культурной разнородностью многих современных обществ, переживающих, к тому же, вызовы со стороны унифицирующих глобализационных процессов [см.: 15], рассмотрим несколько подходов, вносящих определенный вклад именно в теоретическое осмысление данного феномена. К таковым, на наш взгляд, относятся, прежде всего, исследования сущностных, фундирующих оснований самого феномена солидарности, изучение последней в контексте моральных аспектов, и анализ процессуальных характеристик консолидации.

Я. Капеллер и Ф. Уолкенстайн исследуют базовые принципы формирования социальной солидарности, прежде всего, указывая на известную размытость самого термина, который часто используется в качестве чего-то само собой разумеющегося, предполагающего свою изначальную позитивность и внекритичность. «Солидарность всегда связана со специфическими онтологическими и нормативными допущениями. ...Иногда её воспринимают в качестве простого риторического оборота. Но, в конце концов, если

солидарность может выполнять такие серьезные задачи, как усиление демократии, облегчение европейской интеграции и стабилизация Европы в эпоху кризиса, необходимо разобраться – что за нормативные и практические идеалы лежат в основе самого этого понятия?» [11, с. 477].

Исследователи утверждают, что существуют две мета-категории солидарности: 1) солидарность Просвещения, основанная на понятии свободы; и 2) солидарность контр-Просвещения, ограничивающая свободу во имя лояльности. Обосновывается такое видение следующим образом. Поскольку солидарность Просвещения основана на ценности свободы, логично установить виды последней, которых авторами выделено три: «негативная свобода», превалирующая в либерально-теоретических конструкциях англосаксонского типа; «социальная свобода», имеющая отношение, прежде всего, к континентальному (европейскому) образу мышления; и «рефлексивная свобода», обнаруживаемая в различных формах обеих указанных выше систем. Из этих типов мышления происходят четыре типа солидарности Просвещения. Негативная свобода соответствует (1) личностно-ориентированной солидарности, понимаемой как простое соглашение для обеспечения индивидуальных прав на легально-институциональном основании. Рефлексивная свобода относится к рефлексивной солидарности, основанной на (2) чувстве, или (3) разуме; и социальная свобода, предполагающая понятие (4) «распознающей (recognitive) солидарности», базирующейся на сильных межличностных связях.

С другой стороны, развивается концепция «контр-просвещенческой» солидарности, понимаемой как лояльность к определенной этнической, национальной, религиозной и т. д. группе. В отличие от солидарности Просвещения, свободе и разуму в этом направлении присваивается крайне малое значение, если присваивается вообще. Скорее, солидарность здесь идет рука об руку с лояльностью, апеллирует к самой архаичной преданности, и вытекает из связанных с нею обязательств. Призывая на помощь мифы о государственности, расе или религии, этот подход утверждает дихотомический прин-

цип «мы – они», направляющий, в свою очередь, индивидуальные решения и замещающий рефлексию. Императивы действия оправдываются на основании метафизического чувства принадлежности.

Капеллер и Уолкенстайн делают на основании этих посылок двойное заключение. «Во-первых, мы утверждаем, что существует континентальное разделение внутри типов солидарности Просвещения, где два первых понятия (1, 2) в большей степени склоняются в сторону англосаксонского типа мышления, в то время как два последних (3, 4) базируются на философских идеях, доминирующих в континентальной традиции. Во-вторых, мы подчеркиваем, что обозначенные идеальные типы солидарности несут в себе разные представления о сообществе» [11, с. 478].

Один из выводов, к которым приходят исследователи, заключается в том, что континентальная модель солидарности более требовательна, нежели её англосаксонский аналог. Последняя основывается на моральных предпочтениях личностного уровня, в то время как первая руководствуется весьма общими принципами. Континентальные варианты солидарности не просто предоставляют возможности для солидаристских действий, они – требуют таковых. В англосаксонском понимании солидарность – есть не более, чем сумма собственных частей, в то время как континентальная и «контр-просвещенческая» модели солидарности отражают взгляд на сообщество, как на нечто гораздо более сплоченное. В континентальной рефлексивной солидарности то, что связывает людей, основано на базовой предпосылке о равенстве, основанном на разуме и индивидуальной свободе. В «распознающей» солидарности определяющую роль для формирования сообщества играет зависимость индивида от социального окружения. Наконец, в «контр-просвещенческой» солидарности сплоченность «наших» основана на примордиальных причастностях и верности. В общем, «в то время как все эти три подхода к солидарности главное внимание уделяют сообществу, делают они это отчетливо разными способами» [11, с. 488].

Таким образом, Капеллер и Уолкенстайн выводят исследование феномена социальной солидарности на уровень метаисториче-

ского и этнокультурного анализа, наглядно демонстрируя, что тот или иной характер интегративных процессов в социуме всегда обусловлен конкретной спецификой последнего. Это ведет к важному выводу о том, что невозможно говорить о каком-то одном типе социальной солидарности, а унификация в этой сфере попросту не имеет оснований.

Э. Колерс рассматривает феномен солидарности с точки зрения лежащего в её основе социального действия и его направленности. По мнению исследователя, большая часть дискуссий о солидарности в современной науке так или иначе опирается на критику идеи *справедливости* по отношению к тем, кто эту солидарность переживает, но каждый раз заново встает проблема *справедливых целей* и *справедливых методов*, определенных субъектами, пришедшими относительно них к согласию и получившими таким образом возможность действовать в унисон, что является необходимым и достаточным для обоснования того или иного примера солидарности. По определению Колерса, «солидарность – это не чувство и не отношение, это тип действия: совместная работа на общие политические цели, как правило, в условиях не полностью разделяемых интересов» [13, с. 366]. Как считает исследователь, несмотря на наибольшую очевидность первой части этого определения (совместная работа), наибольшей важностью обладает, все-таки, его вторая часть – не полностью разделяемые интересы деятелей. Тем самым, в качестве базового условия всякой солидарности предполагается наличие неких *справедливых* целей, относительно которых членами группы достигнуто известное соглашение, и в направлении которых группа готова работать, поступаясь частью своих личных интересов в пользу общего дела.

Одновременно, солидарность носит, по Колерсу, агонистический характер, то есть, несет в себе изначально черты противостояния и противоречия, уже потому, что группа, действующая во имя неких своих интересов, как правило, действует в то же самое время против неких интересов другой группы. Помимо агонистичности, всякая солидарность обладает ещё двумя сущностными характеристика-

ми, это, во-первых, известная почтительность, благодаря которой индивид и оказывается способен поступиться своими личными интересами во имя интересов другой личности или коллективного целого, и, во-вторых, «как следствие, коллективное действие может считаться солидарным только в том случае, если проходит контрфактическую проверку на прочность и длительность, то есть, если это действие продолжает осуществляться, несмотря на возникающие рассогласования относительно целей и средств или расхождение интересов. Не то чтобы солидарность обязана преодолеть *любое* рассогласование, но она должна быть способна выдержать известное их число» [13, с. 367].

Тем самым, критерий прочности и длительности позволяет отличать солидарность как от стратегического поведения личности, так и от принудительного коллективного действия. В качестве примера (возможно, дискуссионного), Колерс приводит то суждение, что корпорации и другие бюрократические структуры создают формальные роли в офисах, и нанимают индивидов для исполнения этих ролей в течение рабочего дня. В отличие от солидарности, это формальное включение отдельных служащих не требует, чтобы индивид принимал цели корпорации как свои собственные, хотя, он, конечно, может просто преследовать цели структуры, рассматривая их как средство для достижения собственных целей (например, зарплата). В солидарности, однако, индивидуальный деятель не рассматривает коллективную цель как способ реализации своих личных целей, но добровольно принимает общую цель в качестве своей собственной, даже если он с ней не согласен. Тем самым, «если занятость и принуждение могут считаться достижением коллективного субъекта руками отдельных людей, солидарность есть достижение коллективного субъекта, благодаря индивидуальному субъекту» [13, с. 367].

Как считает Колерс, наибольшая привлекательность солидарности состоит в том, что она выступает средством, позволяющим утверждать принцип автономии, благодаря которому люди получают возможность свободно формулировать границы справедливости,

и брать на себя ответственность за ее осуществление. Тем самым, в подходе данного автора отчетливо звучит требование осознанности движения к солидарности и поддержания таковой. Те состояния общественных отношений, которые не отвечают критериям сознательности действий и долговечности, основанной на компромиссе личных и общественных интересов, не могут считаться солидарными.

Колерс продолжает исследование феномена социальной интеграции и в недавно вышедшей монографии «Моральная теория солидарности» (2016), где, как следует уже из названия, консолидационные процессы анализируются с точки зрения моральных факторов, сопутствующих им и обуславливающих их. Исследователь справедливо обращает внимание на то, что сам по себе термин *солидарность* достаточно расплывчат, и используется в разных контекстах. *Человеческая* солидарность очевидно лежит в основе любви ко всему человечеству, что влечет, в частности, поддержку мира и усилия по уменьшения бедности, невзирая на национальные границы. *Гражданская* солидарность должна склонять нас к поддержке наших сограждан, в том числе, через программы общественного благосостояния, несмотря на то, что мы одновременно находимся в состоянии экономической конкуренции с ними. *Классовая* солидарность должна, предположительно, сплачивать социальные классы, особенно – рабочий класс. *Расовая* и *этническая* солидарность должна склонять нас к особо заботливому отношению и поддержке представителей нашей этнической или расовой группы. Очевидно, что выделение этих солидарностей предполагает наличие определенного сообщества, на членов которого эта солидарность, основанная, скорее, на чувствах, нежели на разуме, распространяется. Неудивительно поэтому, – замечает Колерс, – что представители либеральной мысли относятся к солидарности весьма скептически, и различают социальную и политическую солидарность. Подход Колерса заключается в том, что «мы должны быть солидарны, несмотря на несогласие, на отсутствие доверия и взаимности, или симпатии. Тем самым, аргумент «за» солидарность может не принимать доводы нашего разума, даже без погружения в эмоции или чувства принадлежности к каким-то сообществам» [12,

с. 5]. Для Колерса это, прежде всего, солидарность с другими людьми в отношении бесправных или униженных членов общества. Он понимает солидарность как «политическое действие на условиях других людей», и именно поэтому утверждает, что «солидарность сама по себе уже является моральной ценностью» [12, с. 5–6].

Необходимо отметить, что моральные аспекты социальной солидарности привлекают все большее внимание исследователей. Кроме Колерса в этом направлении работает, в частности, А. Кёртон, по мнению которого, находиться в отношениях солидарности с другими – значит разделять с ними принципы общественной морали, выработанные в совместной жизнедеятельности, и являющиеся существенной характеристикой солидарности. Исследователь доказывает, что «коль скоро мы существуем в определенном типе солидарности с другими, объединенные созданными совместно общественными моральными установлениями, правила, которые мы произвели и поддерживаем, являются определяющей частью наших солидарных отношений друг с другом, это – часть бытия в данном типе солидарности с нашими товарищами, и именно требование соблюдения моральных установлений соединяет нас вместе» [9, с. 691].

С. Де Зубирия, в свою очередь, делает попытку переосмысления солидарности в качестве антитезы современному моральному фундаментализму, претендующему на универсальность. В качестве аналитической посылки Де Зубирия использует тезис Р. Рорти о том, что моральный прогресс в наше время может опираться исключительно на постмодернистский светский либерализм и солидарность локального, местного уровня [10].

Э. Гордийн, Н. Куденбург и Т. Постмес изучают солидарность в процессуальном контексте – как эффект социальных интеракций. Используя данные прикладного исследования, ученые демонстрируют, что решающее значение как для создания, так и для сохранения солидарного состояния имеет специфика социального взаимодействия. «Исследования показали, что субъективный опыт разговорного потока может привести к чувству принадлежности к «мы». ...Влияние потока на ощущение сопричастности и

разделяемое познание, по-видимому, происходит независимо от его содержания. Более того, похоже, что эти эффекты возникают автоматически, в том смысле, что осознание того, что поток коммуникации нарушен, не приводит к стремлению людей компенсировать пагубное психологическое воздействие нарушенного потока на чувство солидарности. Эти результаты подчеркивают преимущественную значимость для создания солидарности именно характеристик коммуникации, нежели её содержания» [14, с. 5]. Другими словами, если поток коммуникации часто обрывается, или слишком контролируется, солидарность сообщества становится неустойчивой. Верно и обратное – стабильная и полноценная коммуникация обеспечивает чувство причастности и общего взгляда на мир.

В отечественной науке преобладают исследования прикладных аспектов солидарности – политических, социально-экономических, этнокультурных и пр. [см.: 4; 6; 7]. Вместе с тем, имеющиеся теоретические разработки осуществлены именно в рамках процессуальной проблематики. В частности, О.А. Кармадонов и М.К. Зверев сформулировали концепцию «консолидационных потоков», согласно которой солидарное состояние общества достигается и поддерживается через два разнонаправленных вектора – вертикальной консолидации (общества и власти), и горизонтальной консолидации (между социальными группами, как структурными элементами общества). «В норме два консолидационных потока взаимно дополняют друг друга и, формируя консистентную солидарность, поддерживают равновесие в социальном образовании, придавая ему устойчивость и укрепляя его жизнеспособность. При ослаблении какого-то из потоков общество неизбежно входит до той или иной степени в разбалансированное состояние, при котором реальные консолидационные механизмы уже не действуют, но социальное целое может какое-то время оставаться таковым, в силу феномена социальной инерции» [3, с. 126]. По мнению исследователей, инерционность, как результат ослабления консолидационных потоков, может быть присуща как

государству, отказывающемуся, в силу каких-то причин, от роли активного субъекта социальной солидарности, так и обществу, где в горизонтальном потоке могут слабеть социальные связи и отношения, и где «последними бастионами» солидарности остаются примордиальные сущности – семья и профессиональная группа. В первую очередь, утверждают авторы, всегда слабеет именно вертикаль консолидации, требующая для своего формирования и поддержания гораздо больших энергозатрат, нежели более размеренные и устойчивые горизонтальные процессы.

Тем самым, современные теоретические исследования феномена социальной солидарности характеризуются тем, что из реестра объяснительных, эвристических моделей практически ушли тематики разделения труда и насилия, присущие практически всем мыслителям классического периода обществознания. Наряду с этим, актуализировано рефлексивное содержание, то есть, аспекты сознательного воздействия членов общества на уровень его консолидации, что также было обозначено в качестве важной характеристики солидарности уже классиками, и получило дополнительные теоретические обоснования в трудах наших современников. Наконец, коллективные ценности по-прежнему выступают одним из существенных аспектов социальной солидарности, в настоящее время преимущественно – в виде моральных аспектов. Таким образом, проблематика социальной солидарности продолжает оставаться актуальной и востребованной в науке об обществе, что, разумеется, связано с её актуальностью в реальной социальной повседневности.

Список литературы

1. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. / Т. II. Общности. М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. 429 с.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.
3. Кармадонов О.А., Зверев М.К. Консолидация российского общества: потоки и преграды. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. 223 с.

4. Консолидация российского общества: организационные, образовательные и социокультурные ресурсы / Ред. О.А. Кармадонов, О.А. Полюшкевич. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. 374 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (1 Глава «Немецкой идеологии») / Избранные произведения. В 3-х томах. Т. 1. М.: Политиздат, 1985. С. 4–76.
6. Согласие в обществе как условие развития современной России (политические и социальные аспекты) / Отв. ред. О.М. Михайленок. М.: Ин-т социологии РАН, 2011. 335 с.
7. Условия и возможности консолидации российского общества. Сборник научных трудов СИ РАН / Отв. ред. А.В. Дука, И.И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2010. 280 с.
8. Comte A. (1875) *System of Positive Polity*. Vol. 2. *Social Statics, Or The Abstract Theory of Human Order*. London: Longmans, Green, And Co. 428 p. [Электронный ресурс: <https://archive.org/details/systemofpositive02comt>] (дата обращения: 11.10.2017).
9. Cureton A. (2012) *Solidarity and Social Moral Rules*. *Ethical Theory & Moral Practice*. Nov. Vol. 15. Issue 5, pp. 691–706.
10. De Zubiría S. (2013) *Hacia una visión no fundacionalista del concepto de solidaridad: liberalismo y solidaridad en Richard Rorty*. *Revista de Estudios Sociales*. may-ago. Issue 46, pp. 31–42.
11. Kapeller J., Wolkenstein F. (2013) *The grounds of solidarity: From liberty to loyalty*. *European Journal of Social Theory*. Nov. Vol. 16. Issue 4, pp. 476–491.
12. Kolers A. (2016) *A Moral Theory of Solidarity*. Oxford: Oxford University Press. 194 p.
13. Kolers A.H. (2012) *Dynamics of Solidarity*. *Journal of Political Philosophy*. Dec. Vol. 20. Issue 4, pp. 365–383.
14. Koudenburg N., Postmes T., Gordijn E.H. (2013) *Conversational Flow Promotes Solidarity* // *PLoS ONE*. Nov. Vol. 8. Issue 11, pp. 1–6.
15. *Solidarity and Prosocial Behavior. An Integration of Sociological and Psychological Perspectives* / Eds: D. Fetchenhauer, A. Flache. New York: Springer, 2006. 250 p.

References

1. Weber M. *Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii* [Economics and Society: essays on understanding sociology] : In 4 v. / V. II. Moscow, 2017. 429 p.
2. Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda* [On the division of social labor]. Moscow, 1996. 432 p.
3. Karmadonov O.A., Zverev M.K. *Konsolidatsiya rossiyskogo obshchestva: potoki i pregrady* [Consolidation of Russian Society: in Terms of Flows and Obstacles]. Irkutsk, 2012. 223 p.
4. *Konsolidatsiya rossiyskogo obshchestva: organizatsionnyye, obrazovatel'nyye i sotsiokul'turnyye resursy* [Consolidation of Russian society: organizational, educational and socio-cultural resources / Eds. O.A. Karmadonov, O.A. Polyushkevich]. Irkutsk, 2015. 374 p.
5. Marx K., Engels F. *Feuerbach. Protivopozhnost' materialisticheskogo i idealisticheskogo vozzreniy (1 Glava «Nemetskoj ideologii»)* [Feuerbach. The opposite of the materialistic and idealistic views (1 Chapter “German Ideology”)] / In 3 volumes. V. 1. Moscow, 1985, pp. 4–76.
6. *Soglasie v obshchestve kak usloviye razvitiya sovremennoy Rossii (politicheskiye i sotsial'nyye aspekty)* [Consent in society as a condition for the development of modern Russia (political and social aspects)] / ed. O.M. Mikhaylenok. Moscow, 2011. 335 p.
7. *Usloviya i vozmozhnosti konsolidatsii rossiyskogo obshchestva* [Conditions and opportunities for the consolidation of Russian society] / eds. A.V. Duka, I.I. Yeliseyeva. St Petersburg, 2010. 280 p.
8. Comte A. (1875) *System of Positive Polity*. Vol. 2. Social Statics, Or The Abstract Theory of Human Order. London: Longmans, Green, And Co. 428 p. <https://archive.org/details/systemofpositive02comt> (дата обращения: 11.10.2017).
9. Cureton A. (2012) Solidarity and Social Moral Rules. *Ethical Theory & Moral Practice*. Nov. Vol. 15. Issue 5, pp. 691–706.
10. De Zubiría S. (2013) Hacia una visión no fundacionalista del concepto de solidaridad: liberalismo y solidaridad en Richard Rorty. *Revista de Estudios Sociales*. may-ago. Issue 46, pp. 31–42.

11. Kapeller J., Wolkenstein, F. (2013) The grounds of solidarity: From liberty to loyalty. *European Journal of Social Theory*. Nov. Vol. 16 Issue 4, pp. 476–491.
12. Kolers A. (2016) *A Moral Theory of Solidarity*. Oxford: Oxford University Press. 194 p.
13. Kolers A.H. (2012) Dynamics of Solidarity. *Journal of Political Philosophy*. Dec. Vol. 20 Issue 4, pp. 365–383.
14. Koudenburg N., Postmes T., Gordijn E.H. (2013) Conversational Flow Promotes Solidarity. *PLoS ONE*. Nov. Vol. 8. Issue 11, pp. 1–6.
15. Solidarity and Prosocial Behavior. An Integration of Sociological and Psychological Perspectives / Eds: D. Fetchenhauer, A. Flache. New York: Springer, 2006. 250 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Аносов Сергей Сергеевич, председатель первичной профсоюзной организации студентов
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет»
ул. Лермонтова, 83, г. Иркутск, Иркутская обл., 664074, Российская Федерация
anosov_ss@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Anosov Sergey Sergeevich, Chairman of the Primary Trade Union Organization of Students
Irkutsk National Research Technological University
83, Lermontov Str., 83, Irkutsk, Irkutsk region, 664074, Russian Federation
anosov_ss@mail.ru